

Я хочу поблагодарить людей, которые сопровождали меня в работе над этим романом: Тьерри Лароша из «Gallimard Jeunesse» — за его дельные и всегда дружеские замечания; Жана-Филиппа Арру-Виньо из «Gallimard Jeunesse», который сумел развеять мои опасения по поводу того, что я пишу «на ощупь»; врача Патрика Каррера — за сведения, относящиеся к медицине; музыканта Кристофера Мюррея — за столь же драгоценную помощь в музыкальных вопросах; Рашель и моих детей Эмму и Колена — за то, что они, все трое, рядом, и это для меня бесценный и всегда новый подарок.

Еще я хотел бы выразить огромную благодарность британской певице Кэтлин Ферьер, волнующий голос и судьба которой отозвались во всем здесь написанном. Без нее этого романа не было бы.

*Памяти Рони,
моего товарища по интернату
Ж-К. М.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОЛОС МИЛЕНА

I. В интернате	13
II. Утешительницы	33
III. Годовое собрание	57
IV. Бомбардон Миллс	87
V. Небо	105
VI. На крыше	123
VII. В горах	148
VIII. Ночь человекопсов	170
IX. Гигантский боров	194
X. Бродяжий мост	222

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КАК РЕКА

I. Ресторан «У Яна»	239
II. Гус Ван Влик	260
III. Милош Ференци	278
IV. Тренировочный лагерь	296
V. Хелен в столице	321

VI. Люди-лошади	339
VII. Концерт	365
VIII. Бартоломео Казаль	385
IX. Возвращение в деревню	404
X. Зимняя битва	427
XI. Королевский мост	463
XII. Весна	491
Эпилог	502

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ГОЛОС МИЛЕНА

*В человеческом голосе есть нечто такое,
что, исходя из души, до глубины души
трогает нас.*

Дженет Бейкер, меццо-сопрано,
о голосе Кэтлин Ферьер

I

В ИНТЕРНАТЕ

По знаку надзирательницы одна из девочек, сидевших в первом ряду, встала, подошла к выключателю и щелкнула металлическим рычажком. Три голые лампочки озарили классную комнату резким белым светом. Смеркалось, и читать давно уже было трудно, но правило соблюдалось неукоснительно: в октябре свет включали в восемнадцать тридцать и ни минутой раньше. Хелен выждала еще минут десять, прежде чем окончательно решиться. Она понадеялась было, что свет разгонит боль, которая гнездилась у нее в груди с самого утра, а теперь подступала к горлу, — Хелен прекрасно знала, как называется этот давящий ком: тоска. Ей уже доводилось такое испытывать, и она убедилась на опыте, что бороться с этим не в силах, а ждать, что пройдет, нечего, будет только хуже.

Значит, так тому и быть, она пойдет к своей утешительнице, а что сейчас октябрь и год еще только начинается — что ж, ничего не поделаешь. Хелен

выдернула листок из черновой тетради и написала: «Я хочу пойти к учительнице. Взять тебя в сопровождающие?» Подписываться не стала. Та, кому предназначалась записка, узнала бы ее почерк из тысячи. Хелен сложила листок пополам, потом еще два раза и написала имя и адрес: «Милена. Оконный ряд. Третий стол».

Она подсунула записку своей соседке Вере Плазил, которая дремала с открытыми глазами над учебником биологии. Тайная почта заработала. Записка проследовала, переходя из рук в руки, вдоль коридорного ряда, где сидела Хелен, до четвертого стола, оттуда незамеченной перелетела в центральный ряд, потом в оконный, а там продолжила свой путь в другой конец класса, прямо в руки Милены. Все это заняло не больше минуты. Таков был неписанный закон: послания должны передаваться безотказно, быстро и обязательно доходить до адресата. Их передавали не задумываясь, даже если терпеть не могли учительницу или получательницу. Эта запрещенная переписка была единственным способом общения как на уроках, так и во время самостоятельных занятий, потому что правила предписывали полное молчание. За три с лишним года, проведенные здесь, Хелен ни

разу не видела, чтоб посланную записку потеряли или вернули не передав, а уж тем более чтоб прочли — случись такое, виновнице не поздоровилось бы.

Милена пробежала глазами записку. Пышные белокурые волосы рассыпались по ее плечам и спине — настоящая львиная грива. Хелен дорого дала бы, чтоб иметь такие волосы, но приходилось довольствоваться своими, жесткими и короткими, как у мальчика, с которыми ничего нельзя сделать. Милена обернулась, неодобрительно нахмурившись. Хелен прекрасно поняла, что та хотела сказать: «С ума сошла! Еще только октябрь! В прошлом году ты продержалась до февраля!»

В ответ Хелен нетерпеливо вскинула голову, жестко сощурилась: «Пусть так, а я хочу пойти сейчас. Идешь со мной или нет?»

Милена вздохнула. Это означало согласие.

Хелен аккуратно сложила все учебные принадлежности в стол, поднялась и, провожаемая десятком любопытных взглядов, прошла к столу надзирательницы.

От надзирательницы, мадемуазель Зеш, резко пахло потом; на шее и над верхней губой, несмотря на холод, выступала нездоровая испарина.

— Я хочу пойти к моей утешительнице, — шепотом сказала Хелен.

Надзирательница не выказала ни малейшего удивления. Только открыла большую черную тетрадь, лежавшую перед ней.

— Фамилия?

— Дорманн. Хелен Дорманн, — ответила Хелен, уверенная, что та прекрасно знает ее имя, но не желает этого показывать.

Надзирательница жирным пальцем прошлась по списку и остановилась на букве «Д». Проверила, не исчерпала ли Хелен свой лимит.

— Хорошо. Сопровождающая?

— Бах, — сказала Хелен. — Милена Бах.

Палец надзирательницы пополз вверх, до буквы «Б». Бах Милена с сентября — начала учебного года — выходила в качестве сопровождающей не больше трех раз. Мадемуазель Зеш подняла голову и рывкнула так громко, что девочки подскочили:

— БАХ МИЛЕНА!

Милена встала и подошла к столу.

— Вы согласны сопровождать Дорманн Хелен к ее утешительнице?

— Да, — ответила Милена, не глядя на подругу.

Надзирательница посмотрела на часы и записала время в журнале, потом отбарабанила без выражения, как затверженный урок:

— Сейчас восемнадцать часов одиннадцать минут. Вы должны вернуться через три часа, то есть быть здесь в двадцать один час одиннадцать минут. Если не вернетесь к сроку, одна из учениц будет помещена в Небо и останется там до вашего возвращения. У вас есть пожелания относительно кандидатуры?

— Нет, — в один голос ответили девочки.

— Тогда это будет... — палец мадемуазель Зеш прошелся по списку, — пусть это будет... Пансек.

У Хелен сжалось сердце. Представить себе малышку Катарину Пансек в Небе... Но еще один неписанный закон интерната гласил: никогда не выбирай сама ту, кого в случае чего за тебя накажут. Пусть это будет на совести надзирательницы. Та, конечно, могла взъесться на кого-нибудь и раз по десять выбирать на эту роль, но, по крайней мере, сохранялась солидарность между девочками, и ни одну нельзя было упрекнуть в том, что она умышленно поставила кого-то под угрозу.

Небо не заслуживало такого названия. Этот карцер располагался отнюдь не на высотах, наоборот,

даже ниже подвальных помещений. Туда приходилось долго спускаться из столовой по узкой винтовой лестнице, по ступенькам которой сочилась ледяная вода. Каморка была примерно два метра на три. От пола и стен пахло землей и плесенью. Когда за вами закрывалась дверь, вам оставалось только отыскать на ощупь деревянный топчан, сесть или лечь на него и ждать. Наедине с собой, в тишине и темноте, час за часом. Говорили, что, когдаходишь, надо быстро глянуть на верхнюю часть стены напротив двери. Там на потолочной балке кто-то изобразил небо. Кусочек синего неба с белыми облаками. Кому удастся его увидеть, пусть хоть на миг, пока дверь не захлопнется, тот найдет в себе силы вынести темноту и не прийти в отчаяние. Вот почему это место называли Небо и почему так боялись туда попасть или, хоть и не по своей воле, кого-то туда отправить.

— В любом случае, — продолжала Зеш, — ужин вы пропускаете, это вам известно?

— Да, — ответила Хелен за обеих.

— Тогда ступайте, — сказала надзирательница. Она проставила дату и время, шлепнула печать на личные карточки девушек и потеряла к ним всякий интерес.

Милена убрала в стол учебники и догнала Хелен, которая ждала ее в коридоре, уже закутавшись в накидку с капюшоном. Она сняла с вешалки свою, оделась, и обе зашагали по коридору, освещенному поверху выходящими в него окошками классных комнат. По широкой каменной лестнице со стертymi посередине ступенями спустились на первый этаж. Еще один коридор, на этот раз темный — здесь были школьные классы, где вечером не занимались. Было холодно. Огромные чугунные радиаторы не работали. Они вообще хоть когда-нибудь работали? Не обменявшись ни словом, девушки вышли во двор. Хелен шагала впереди, Милена, хмурясь, попевала следом. У ворот они, согласно правилам, зашли в привратницкую к Скелетине. Это была старуха с довольно-таки большим приветом, устрашающей худобы и вечно окутанная облаком едкого дыма. Она раздавила сигарету в переполненной пепельнице и подняла глаза на девушек.

— Фамилии?

Кости у нее на скулах и на суставах едва не протыкали кожу. Синие вены переплетались на руках замысловатым узором.

— Дорманн Хелен, — сказала Хелен, подавая ей свою карточку.

Скелетина изучила документ, кашлянула на него и вернула владелице.

— А вы?

— Бах Милена, — сказала Милена и положила карточку на стол.

Скелетина взглянула на нее с неожиданным интересом.

— Это вы хорошо поете?

— Пою... — осторожно ответила Милена.

— ...хорошо? — настаивала Скелетина.

Непонятно было, что кроется за этим вопросом, зависть или восхищение. Или что-то промежуточное между тем и другим.

Милена молчала, и привратница спросила по-другому:

— Вы поете... лучше, например, чем я?

Теперь стало ясно, что Скелетина ищет ссоры.

— Не знаю. Может быть... — сказала Милена.

Проведя в интернате три с лишним года, она, как и все девочки, научилась отвечать надзирательницам и преподавателям: как можно безличней, ничего не утверждая, ничего не оспаривая. От этого зависело собственное спокойствие.

— Так вы поете лучше меня? Отвечайте!

Старому мешку с костями явно хотелось поразвлечься. Она закурила новую сигарету. Указательный и средний палец на ее правой руке были желтые от никотина. Хелен взглянула на часы, висящие на стене. Восемнадцать двадцать. Сколько времени потеряно!

— Не знаю, — спокойно ответила Милена. — Я никогда не слышала, как вы поете.

— А вам бы, наверное, хотелось? — жеманно приставала Скелетина. — Вы были бы счастливы послушать какую-нибудь песенку, но не смеее попросить, а?

Хелен не представляла, как ее подруге теперь выкручиваться, но Скелетина разразилась хриплым смехом, который тут же перешел в неудержимый кашель. Не в силах вымолвить ни слова, она прижала к губам скомканный платок и, не переставая кашлять, сделала девочкам знак, что они могут идти.

Было около половины седьмого, когда подруги вышли наконец за ворота.

— Совсем чокнутая! — констатировала Милена.

Справа светились редкие огни маленького городка, слева — фонари на старом мосту с четырьмя каменными статуями всадников в полном вооружении. Девушки направились к мосту.

— Сердишься на меня? — спросила Хелен. — За то, что осталась без ужина? Моя утешительница даст мне что-нибудь для тебя... Она всегда готовит что-нибудь вкусное...

— Плевала я на этот ужин, — возразила Милена. — Пусть подавятся. Сегодня баланда пригорела, так что... Нет, я сержусь, что ты истратила одно утешение уже в октябре. Сама знаешь, их нужно хотя бы два, чтоб пережить зиму. Вот станет еще темнее, ночи длинные, тогда без утешения не обойтись. А у тебя уже не останется выходов, что ты тогда будешь делать?

Хелен знала, что подруга права. Она сказала только:

— Не знаю. Мне сегодня нужно, вот нужно, и все.

Дождь со снегом ударил им в лицо, заставив зажмуриться. Девушки плотнее закутались в накидки, инстинктивно прижимаясь друг к другу. Под ногами отблескивали разнокалиберные бульжники тротуара. Под мостом, черная и ленивая, текла река.

Милена просунула руку под локоть Хелен и глубоко вздохнула, словно говоря: «Вьешь ты из меня веревки...» Девушки переглянулись и улыбнулись друг другу. Их размолвки никогда не бывали долгими.

— Откуда, интересно, Скелетина знает, что я пою? — спросила Милена.

— В интернате это все знают, — сказала Хелен. — Не так-то здесь много хорошего, такие вещи замечают, ну и говорят о них...

Ей вспомнился тот незабываемый день три года назад, когда она впервые услышала, как поет Милена. Их было четверо новеньких, они сидели на лестнице около столовой и изнывали от скуки. Там была Дорис Лемштедт, которая прожила в интернате всего несколько месяцев, а потом оказалось, что она очень больна, и ее увезли; были Милена и Хелен, чья дружба еще только завязывалась, и кто-то еще, может быть, кроткая голубоглазая Вера Плазил. Дорис Лемштедт предложила, чтобы каждая что-нибудь спела — все-таки веселее. Подавая пример, она первая принялась напевать какую-то песенку своего родного края. Дорис была из долины. В песне говорилось о солдатской жене, которая верно ждет своего мужа, но можно было догадаться, что он не вернется. Дорис пела неплохо, и три ее товарки поаплодировали ей — тихонько, чтоб не привлечь внимание кого-нибудь из надзирательниц. Пункт 42 правил внутреннего распорядка гласил: «Запрещается петь или слушать какие бы то ни было песни, не включенные в программу». Следующей выступила Хелен — она спела